

Поэтому они, усевшись на неё, разумеется, не упадут.

Когда Дао Гуйчжоу увидел это впервые, у него даже возникло непреодолимое желание повиснуть на ветке и поспать.

Цзы Мин покосился на него:

— Наверху есть руны, это следы практики заклинателей?

Дао Гуйчжоу кивнул. Он был занят своими мыслями, поэтому язык его опережал разум, и слова слетали с губ без всякого контроля:

— Это массив Даосского Храма Сюаньтянь. В его основе лежат духовный нефрит и вспомогательные духовные талисманы: нефрит белый, руны золотые. Если сопоставить это с расположением талисманов, которые мы видели в доме... это один из массивов сбора духовной энергии, унаследованных Даосским Храмом Сюаньтянь от Горы Луюнь.

Он не стал трогать кусок духовного нефрита, закрыл глаза, ощущая здешние духовные жилы, и снова легко вздохнул:

— И всё же это массив подавления Инь и сбора духовной энергии.

Неудивительно, что в этом паршивом месте не растёт ни травинки, лишь мёртвые листья покрывают землю слой за слоем, но земля всё равно не питает их.

Однако это дерево выросло на славу, его ветки и листья разрослись далеко наружу — оказывается, всё благодаря этому массиву.

Массив разрушил духовные жилы в этой местности, используя дерево как ядро, чтобы подавить «дух», который по-хорошему должен был здесь появиться.

Дао Гуйчжоу погрузился в свой звёздный час великого сыщика, даже не подозревая, что уголки бровей Цзы Мина слегка приподнялись, а во взгляде промелькнуло холодное и отстранённое веселье.

При этом изгиб его губ стал ещё глубже, а мягкие черты лица скрылись в пестрой тени ветвей, прекрасно пряча этот глубокий взгляд.

Сторонний наблюдатель мог бы подумать, что густая тень делает его глаза темнее тихой ночи, но никто не знал, что сами эти манящие обсидиановые глаза таили в себе смертельную опасность.

Цзы Мин слегка наклонил голову:

— Младший дядя-наставник, похоже, этому не учат на Горе Линшань? Откуда тебе это известно?

Сердце Дао Гуйчжоу, погружённого в разгадку скрытой за этим правды, резко дёрнулось — словно его подвесили за горло, но не желали опускать.

Он не посмотрел на Цзы Мина, а лишь невозмутимо произнёс:

— Слышал от кого-то.

Он сделал паузу:

— Не помню. Возможно, от старшего брата Юй Циня, или от наставника, а может, от старшего брата.

Сердце Дао Гуйчжоу бешено колотилось в груди, но тон звучал совершенно спокойно и непринужденно:

— Они много повидали, да и в Пруд Согревающих Душ ко мне часто заходили, рассказывали о том, что творится за пределами обители. Мне казалось это интересным, вот я и запомнил.

Цзы Мин улыбнулся:

— Вот как. К счастью, младший дядя-наставник всё запомнил.

Дао Гуйчжоу выдавил ответную улыбку:

— Ага.

Какая тебе клубника!

Ах ты ж картошка!

Если бы это не было описано в оригинальном романе, разве стал бы он помнить?

Конечно нет!

Он запомнил этот массив лишь потому, что в оригинале он фигурировал несколько раз. К тому же, в прошлой жизни, читая веб-романы, Дао Гуйчжоу любил произведения со сложными мироустройствами и больше всего интересовался запутанными переплетениями сект и фракций — именно поэтому он смог читать эту донельзя паршивую книгу.

Дао Гуйчжоу слегка вздохнул с облегчением, но тут же ощутил остаточный страх.

На Горе Линшань действовали железные правила: ученикам секты запрещалось практиковать чужие техники и прикасаться к чему-либо, связанному с даосами, буддистами или конфуцианцами.

Сейчас его малыш действительно был с ним ласков и невероятно привязан, но кто знает, какова вероятность того, что его детка всё-таки встанет на путь тьмы?

Если вдруг малец решит, что убивать его — значит лишь пачкать руки, и напрямик донесет на него Горе Линшань...

Окей.

Конец.

[Холодные ночи сплетают тоску по тебе в реку~]

Дао Гуйчжоу:.....

Стоило ему услышать голос этой паршивой Системы, как испуг в его сердце мгновенно нашёл выход: Твою ж мать, почему ты меня только что не предупредила?!

[И-и-и, разве тебе не хотелось покрасоваться перед малышом?]

Дао Гуйчжоу: Да пошла ты со своими банановыми семечками! Ты говоришь мне: всё пресно, о-е-ей, как зловеще, — да от твоего бесчувственного механического пищания мурашки по коже, какая ж это жуть, а?

[Тогда... у-у-у?]

Дао Гуйчжоу:..... Я.....

Забей.

С этой слабоумной железякой —

есть ли смысл с ней спорить?

Просто бесполезный собеседник.

[.....Слишком.]

Дао Гуйчжоу попросту решил её проигнорировать.

Успокоив нервы, он обычным тоном обратился к Цзы Мину:

— Пошли, поищем госпожу Хэ, потолкуем.

Выражение лица Цзы Мина не изменилось — он по-прежнему выглядел послушным и кротким:

— Хорошо.

.

Когда они добрались до уединенного двора, Хэ Ваньцин сидела на серых каменных ступенях.

Прислонившись к деревянному косяку двери, она смотрела потускневшим взглядом, в котором почти не отражалось никаких эмоций.

Раньше, хотя Дао Гуйчжоу и догадывался, что она необычна, он всё же воспринимал её как человека.

Но теперь, узнав от Цзы Мина, что она, скорее всего, является более сильным «духом», Дао Гуйчжоу отчётливо видел все её странности.

Хэ Ваньцин не могла покинуть этот двор.

Её воспоминания обрывались крайне неестественным образом.

И эмоции были чересчур однообразными.

В этих глазах... словно совсем не было света.

Хэ Ваньцин подняла на них взгляд:

— Бессмертные мастера? Почему вы снова вернулись?

Она чуть оживилась:

— Вы нашли души моего старшего брата и господина?

Её слова тоже.

Хэ Ваньцин утверждала, что господин Чжоу любил её и у них были взаимные чувства, но каждый раз, заговорив, она в первую очередь вспоминала своего старшего брата.

Дао Гуйчжоу утешил её:

— Тебе не стоит слишком сильно горевать, души твоего брата и того господина отыскать уже не удастся.

Тонкие пальцы Цзы Мина обвилились вокруг цепи, связывающей их запястья, он рассеянно играл с ней, а услышав слова Дао Гуйчжоу, слегка приподнял бровь.

Он отпустил короткие звенья цепи, посмотрел на Дао Гуйчжоу и, не выдавая своих намерений, сделал шаг вперед, заранее готовясь в любой момент прикрыть от удара этого мастера навлекать на себя неприятности, чьё умение отыгрывать самоубийцу достигло высшего уровня.

Хэ Ваньцин на мгновение замерла, её нежные пальцы судорожно сжались, и висевший на поясе мешочек с благовониями тоже мелко задрожал.

Дао Гуйчжоу даже почувствовал, как вокруг начал подниматься воздух.

Дао Гуйчжоу чувствовал себя немного обиженно.

И что он такого сказал?

Из-за чего они снова готовы обнажить мечи?

[.....У тебя действительно ни грамма самокритики насчет твоего таланта ввязываться в конфликты?]

Дао Гуйчжоу: Разве я затеял ссору? Я же ласково её утешал!

[.....]

Хэ Ваньцин горько усмехнулась:

— Значит, бессмертный мастер изначально и не планировал помогать мне с этой просьбой, а просто решил посмеяться надо мной?

Дао Гуйчжоу поднял руки в примиряющем жесте, увлекая за собой и руку Цзы Мина:

— Напраслину возводишь. Давайте каждый из нас остынет, ты сначала выслушаешь меня, ладно?

Он сделал паузу и попытался заговорить как можно мягче и спокойнее:

— Я человек очень добрый, но мне всё же нужно разобраться: это ты любила того господина, или твой старший брат?

Хэ Ваньцин невероятно удивленно посмотрела на него:

— Бессмертный мастер...

— Ты пока помолчи, — Дао Гуйчжоу моргнул. — Твой старший брат Хэ Сунцин, ведь все те письма были адресованы ему? Зачем же тебе понадобилось занимать чужое место?

Дао Гуйчжоу говорил это не потому, что сомневался, просто по дороге сюда он вместе с Цзы Мином наспех изучил всё, что касалось так называемых «духов».

И узнал, что такие духи, как Шу Няньлин, обладают собственным разумом, но у них есть один фатальный изъян.

Стоит лишь разрушить иллюзорный мир, в который они свято верили, как они тут же рушатся изнутри.

Однако...

Дао Гуйчжоу до сих пор не мог понять: если заживо сожгли Хэ Сунцина и господина Чжоу, то почему именно Хэ Ваньцин превратилась в Шу Няньлин?

Именно это он и поручил И Цзину выяснить.

Но услышав это, Хэ Ваньцин лишь озадаченно посмотрела на Дао Гуйчжоу, не выказав никакой иной реакции.

Дао Гуйчжоу на мгновение оцепенел, скосил глаза на Цзы Мина и тихо спросил:

— Детка... Цзы Мин, ты уверен, что она — этот самый Шу Няньлин?

Цзы Мин легко улыбнулся, его взгляд упал на Хэ Ваньцин.

Затем Дао Гуйчжоу услышал его вопрос:

— Если ответить не можешь, как насчет того, чтобы сменить вопрос?

Ясный голос юноши всегда звучал легко, казалось, легкий порыв ветра мог развеять его.

Дао Гуйчжоу признавал, что Цзы Мин звучит невероятно красиво, когда так говорит, но ему вовсе не нравилось, когда Цзы Мин так говорил.

Каждый раз, когда Цзы Мин заводил разговор в таком тоне, ему казалось, будто невидимые тончайшие иголки легонько покалывают его сердце.

Не больно.

Просто возникало какое-то странное, необъяснимое чувство.

Он услышал, как Цзы Мин с искривленными в улыбке губами спросил:

— Ты — Хэ Ваньцин? Или Хэ Сунцин?

Он выдержал паузу; неторопливый тон и нарочито замедленный темп речи в сочетании с его от природы чистым звонким голосом превратились в острые клинки, которые безжалостно вонзались в стоявшую перед ним девушку:

— Или... господин Чжоу?

Стоило только выбить название главы, как я подумал: ~Я везу тебя к тебе~

Прошу прощения, не туда свернул, простите!

Всё еще умоляю о лайках, комментариях и живительной влаге (///v///)

Благодарю маленьких ангелов, которые дарили мне баобао или поливали живительной влагой

в период с 2020-08-20 10:54:40 по 2020-08-21 10:15:25~

Спасибо маленьким ангелам, поливавшим меня питательной жидкостью: Одномоментное богатство — 2 флакона; Гун Жоси — 1 флакон;

Большое спасибо всем за поддержку, я буду продолжать стараться!

.

Цзы Юнь

Едва услышав эти слова Цзы Мина, Дао Гуйчжоу почувствовал, как по спине пробежал холодок.

На дворе стоял яркий солнечный день, но он безо всяких на то причин ощутил леденящий укол.

Волна жуткого холода подступила к горлу, и он не удержался, снова бросив взгляд на стоявшего перед ним Шу Няньлин.

Что... что означали слова Цзы Мина?

Неужели эта девчонка на самом деле могла оказаться мужиком?

Взгляд Дао Гуйчжоу опустился чуть ниже, но тут же поспешно отпрянул.

Да ну нет, неужели? Неужели всё именно так?!

Он не мог в это поверить, но реакция Хэ Ваньцин была слишком красноречивой, чтобы игнорировать её.

Хэ Ваньцин яростно сжала кулаки, на её белых руках вздулись вены.

Выражение её лица уже неумовимо исказилось, а голос стал хриплым и глухим:

— О чём говорит бессмертный мастер?

Цзы Мину, похоже, стало скучно. Полуприкрыв глаза, он равнодушно произнес:

— Ты ведь смесь всех троих, верно? Хотя и непонятно, почему именно Хэ Ваньцин стала доминирующей личностью, но среди оставшихся двоих явно кроется любовь господина Чжоу к Хэ Сунцину. Остальные эмоции мне разгадать трудно, но ты действительно самый необычный Шу Няньлин из всех, что я видел.

Его взгляд скользнул к мешочку с благовониями у неё на поясе:

— Всё из-за Плавкой Бусины?

Мозг Дао Гуйчжоу на секунду завис, но тут же с трудом поспел за ходом мысли Цзы Мина.

Духи рождаются из одержимости, а Шу Няньлин — это разновидность духов, порожденная заикленностью человека в момент смерти.

Обычно они несут в себе лишь обрывки воспоминаний прошлой жизни, и эти воспоминания тесно связаны с их навязчивой идеей.

Отличие Шу Няньлин от прочих духов заключалось в том, что они не могли по собственной воле покидать определенное место, не обладали полноценной памятью, а зачастую их воспоминания и вовсе были расплывчатыми.

Одержимостей бывает много, и мысли в момент смерти тоже разнятся. Другие духи формируются под воздействием множества навязчивых идей, но у Шу Няньлин одержимость всегда лишь одна — в этом и кроется корень их ущербности.

Раз она одна, то почему Хэ Ваньцин хотела воскресить двоих?

Она утверждала, что испытывает любовь к господину Чжоу, а это уже две навязчивые идеи.

Не говоря уже о том, что сама история, которую они распутывали, изначально строилась на взаимной любви Хэ Сунцина и господина Чжоу, за что их обнаружили и предали сожжению заживо.

Уложив всё по полочкам, Дао Гуйчжоу почувствовал еще большее восхищение.

Мозг его мелкого ученика... просто отпад.

Ведь это он читал оригинал, но никак не мог угнаться за мыслительным процессом своего ученика.

Это он слишком туп, ТАТ.

Застигнутая врасплох Хэ Ваньцин застыла на месте, погрузившись в полное оцепенение.

В этот момент налетевший порыв ветра взметнул её ярко-красное платье.

Подол закружился в воздухе, ослепительный и зловещий, словно огонь.

Веки Дао Гуйчжоу дернулись, и в памяти внезапно всплыл небольшой отрывок из оригинального романа —

— Цзы Мин! — не раздумывая, Дао Гуйчжоу отчаянно заставил циркулировать духовную силу внутри своего тела. Несмотря на то, что из-за её непослушания она двигалась со скоростью черепахи, он всё же не оставлял ни малейшей надежды. — Беги!

В следующий же мгновение на них прямо хлынуло море огня.

Плавкая Бусина, что была спрятана в мешочке Хэ Ваньцин, вылетела наружу и превратилась в огненного малютку.

Этот огненный дух крепко обнял Хэ Ваньцин, слившись с ней воедино.

Духи пламени закружились в танце в воздухе, и температура во всем пространстве начала бешено расти.

Дао Гуйчжоу остолбенел.

Это что... воины в доспехах, слияние?

Или трансформация девочки-волшебницы?

Или же Балада-Балада энергия — Шаро-Шаро — полное превращение маленькой феи!

Мда.

Похоже на какой-то замок фей.

Ладно, учитывая, что перед ними не настоящая Хэ Ваньцин, мы официально переименовываем её в Огненную Волшебницу.

[.....Ты правда умрешь, если не съязвишь?]

Дао Гуйчжоу: Если поязвить, страх немного отступает.

В тот самый миг, когда накатила волна жара, духовная сила Дао Гуйчжоу наконец пришла в движение.

Его небесно-голубая духовная сила окутала Цзы Мина, пытаясь отбросить того наружу, но Цзы Мин вдруг крепко сжал его запястье.

Пальцы юноши были тонкими и изящными, но в то же время крепкими и жилистыми.

Ладонь Цзы Мина тоже была горячей, но всё же не шло ни в какое сравнение с воздухом, грозившим их испепелить.

Это заставило Дао Гуйчжоу немного успокоиться.

Затем он услышал тихий смешок Цзы Мина. Тот лишь поднял руку, и в воздухе взметнулся свирепый порыв ветра.

Дао Гуйчжоу отчетливо увидел, как Осколок Звёзд, который он запечатал в тайной комнате, полетел к нему и был уверенно подхвачен юношей. Он услышал, как в легком смехе Цзы Мина прозвучало игривое поддразнивание:

— Младший дядя-наставник, мне кажется, у тебя вечно какие-то заблуждения на мой счет.

Ему даже не потребовалось обнажать меч: Осколок Звёзд сам выскочил из ножен, рассекая для них волны жара.

В глазах Дао Гуйчжоу наконец промелькнуло изумление — впервые он испытал столь глубокий шок от какого-либо события.

Даже Система, которая вечно норовила пустить по его мозгам разряд тока, на этот раз окончательно умолкла, затаившись так, словно её вообще не существовало.

Наблюдая за эмоциями, отразившимися в чуть более светлых, чем у обычных людей, зрачках Дао Гуйчжоу, Цзы Мин почувствовал еще большее удовольствие.

Острие Осколка Звёзд сверкнуло, устремившись прямо к Огненной Волшебнице.

В такие моменты часто раскрывается характер человека.

Первым порывом Дао Гуйчжоу при любой опасности было отступить и защититься, в то время

как Цзы Мин явно предпочитал нападение.

Будучи человеком в возрасте, Дао Гуйчжоу чувствовал, как у него дергается бровь, когда он смотрел, как Осколок Звёзд агрессивно врывается в огненное кольцо вокруг Огненной Волшебницы.

Как бы беззаботно ни выглядел Цзы Мин и сколь бы непринужденная манера держаться ни заставляла Дао Гуйчжоу чувствовать себя в безопасности, это вовсе не значило, что Дао Гуйчжоу купился на этот фасад.

Может, через пару лет это и было бы возможно, но нынешний Цзы Мин — всего лишь мальчишка, пришедший в секту полгода назад.

В сердце Дао Гуйчжоу прокралось сомнение, ему показалось, будто его окутывает слой тумана.

Владеть мечом с помощью силы мысли... разве такое под силу кому-то, кроме учеников внутреннего круга вроде старшего брата Юэ Цина, которые поступили туда в ту же пору?

В оригинале...

Цзы Мин достиг этого уровня лишь спустя три года после поступления.

Дао Гуйчжоу почувствовал, что почти ухватил какую-то ключевую разгадку, но обдумать её как следует времени не оставалось.

Потому что эта Огненная Волшебница вдруг пришла в бессильную ярость, и огромные массы пламени градом брызнули во все стороны с ней в центре.

Нехорошее предчувствие в груди Дао Гуйчжоу наконец оправдалось.

Он инстинктивно попытался собрать духовную силу в теле, чтобы взмыть ввысь и перехватить эти снаряды, дабы не пострадали жители городка.

Но пальцы Цзы Мина, сжимавшие его запястье, слегка усилили хватку, удерживая его на месте.

Дао Гуйчжоу слегка замер, а в следующее мгновение почувствовал, как знакомая и мощная духовная сила накрыла весь небосвод, и некогда кристально-чистое синее небо окрасилось в пурпурные тона.

Великолепное и ослепительное зрелище предстало перед их глазами, Дао Гуйчжоу даже

услышал испуганные возгласы множества людей в городке.

Из темно-фиолетовых грозовых облаков одновременно обрушилось бесчисленное множество молний, безошибочно и точно поразив все огненные снаряды.

По идее, это было к лучшему, но Дао Гуйчжоу инстинктивно втянул голову в плечи.

Ой-ой.

Каюк.

Этот сигнальный огонь наделал слишком много шума.

Цзы Мин отозвал Осколок Звёзд, и меч вернулся в ножны сам, без единого движения с его стороны.

После этого пространство между ними забурлило разрядами молний, оплетая и сковывая Огненную Волшебницу.

Погруженный в свои мрачные мысли о скором конце, Дао Гуйчжоу не заметил, как веселье в глазах Цзы Мина стало до холодящего зябким.

Он смотрел на фиолетовые молнии, намертво скрутившие дух, а рука, державшая меч, расслаблено повисла, казалось, он готов был выронить оружие в любую секунду.

При этом он также разжал пальцы на запястье Дао Гуйчжоу.

Когда температура воздуха вернулась к норме, буря на небе постепенно улеглась.

Затем они увидели, как мужчина в белых одеждах медленно опустился с облаков прямо перед Дао Гуйчжоу.

Его одеяние ничем не отличалось от одеяния Дао Гуйчжоу, за исключением того, что нефритовый кулон на его поясе был темно-фиолетовым, да и сам он, в отличие от Дао Гуйчжоу, не носил на лбу налобную повязку.

Мужчина легко улыбнулся:

— Младший братец, не объяснишь ли мне, как это ты оказался у подножия горы?

Дао Гуйчжоу спрятался за спину Цзы Мина:

— Наставник разрешил... кстати, старший брат, ты не видел И Цзина? Он немного ранен, ступай скорее...

— ...Эй, — И Цзин шёл позади них и закатил глаза. — Не используй меня как щит.

Подойдя к Дао Гуйчжоу, он почтительно поклонился мужчине, сложив руки:

— Старший брат.

Улыбка на губах Юэ Цина стала еще шире:

— И Цзин тоже здесь? Тогда, может, вы вдвоем объясните мне, с какой стати вы привели с собой ученика, который всего полгода как в секте?

И Цзин последовал примеру Дао Гуйчжоу, втянув голову в плечи, и молча придвинулся к нему ближе.

Дао Гуйчжоу решительно переложил вину на другого:

— Это старший брат Юй Цин разрешил.

Юэ Цин склонил голову набок:

— О~ это Юй Цин?

Дао Гуйчжоу мысленно зажег свечку за упокой души Юй Цина.

Хотя Юй Цин и был сильнейшим мастером праведного пути, единственным в Поднебесной, кто мог на равных противостоять Царю демонов, и единственным в мире обладателем Стадии Превращения Божества, перед лицом его старшего брата он всё равно...

Мда.

Пожалуй, зажжем еще одну свечку.

Юэ Цин одарил их обоих взглядом из разряда «мы еще поговорим после», после чего его взгляд на Цзы Мина стал куда более нормальным, а тон лишился прежней язвительности, став весьма мягким:

— Хороший мальчик, доставил тебе хлопот.

Цзы Мин опустил глаза и сложил руки в приветствии, скрывая взгляд:

— Дядя-наставник.

Прячущийся за спиной Цзы Мина Дао Гуйчжоу пробормотал:

— С другими-то вон какой ласковый, несправедливо.

Юэ Цин скосил на него глаза и улыбнулся:

— Разве я с вами не ласков?

И Цзин дернул Дао Гуйчжоу за рукав:

— Тяньцин просто шутит со старшим братом, разве старший брат может быть неласков?

Дао Гуйчжоу поспешно кивнул:

— Да-да-да, старший брат самый ласковый!

Только тогда Юэ Цин отвел взгляд и махнул рукой — сгусток пламени, намертво спелёнутый фиолетовыми молниями, подплыл к нему.

У Юэ Цина была прекрасная внешность — из тех мягких, абсолютно лишённых острых углов лиц, глядя на которые человек чувствует себя спокойно и уютно.

В каком-нибудь любовном романе он бы идеально подошел на роль второго мужского персонажа.

Однако характер самого Юэ Цина... мда.

Он был, пожалуй, единственным человеком на всей Горе Линшань, при виде которого Дао Гуйчжоу накрепко усваивал значение слова «трусость».

Юэ Цин поднял руку, и, одновременно рассеивая фиолетовые молнии, небрежным движением отделил Плавкую Бусину от этого Шу Няньлин.

Разум Шу Няньлин постепенно прояснялся. Опустив взгляд на землю, оно хрипло произнесло:

— Значит... я никто.

<http://bllate.org/book/19500/1912544>